

Август 1860

СИЦИЛИЙСКИЕ И НЕАПОЛИТАНСКИЕ ДЕЛА

Прежде всего переведем продолжение сицилийской корреспонденции «Times'a», знакомой читателям по двум предыдущим нашим обозрениям. В прошлый раз мы остановились на письме, отправленном из Кальтанисетты, города, лежащего на половине пути между Палермо и Мессиною. Колонна Медичи, при которой находился автор переводимых нами писем, спокойно и довольно быстро прошла остальную половину пути до самой Барчеллоны, лежащей на северном берегу Сицилии близ укрепленного города Мелаццо, который неаполитанцы решились упорно защищать. Продолжаем теперь наш перевод:

«Мелаццо, 24 июля.»

В лавровом венце Гарибальди прибавился еще лист, не уступающий прежним ни по важности, ни по блеску. Бой при Мелаццо — одно из немногих сражений, соединяющих в себе все величие новейших побед с романтическими чертами геройских битв древности.

Я уже объяснял вам положение дел перед битвою при Мелаццо. Колонна Медичи, состоявшая из 2500 человек, дошла по северному берегу Сицилии до Барчеллоны, где губернатор и комитет Мессинской провинции основали свою резиденцию и где организовались военные силы провинции. Но еще занимал неприятель в больших силах Мессину и крепость Мелаццо; эта позиция могла послужить опорой неаполитанцам и взять ее было не легко. Большинство людей всегда находится больше под влиянием близкой к ним обстановки, чем отдаленных от них событий. Несмотря на успехи Гарибальди в остальной части острова, сила неаполитанцев в восточном углу составляла сильный аргумент в глазах массы, боявшейся заходить слишком далеко и компрометировать себя, пока не миновалась всякая опасность. Притом же множество чиновников, выгнанных из внутренних частей острова, нашли себе убежище в Мелаццо и Мессине; они всячески убеждали народ, что очень рискованным делом было бы принимать участие в событиях, а многие из их товарищей, получившие от диктаторского правительства позволение остаться на своих местах, распространяли робость и нерешительность в других округах. Несмотря на эти обстоятельства, охлаждавшие энтузиазм и энергию, призыв правительства, чтобы жители поступали в волонтеры, не остался напрасен: сотни людей, преимущест-

венно из образованных сословий, отвечали на него. Из них сформировали отряд, который по возможности снабдили оружием и обмундировкою, — задача едва ли не более трудная, чем найти волонтеров, потому что все надобно было перевозить по горам из Катании, — море оставалось еще небезопасно. Горсть собранных таким образом людей была усилена батальоном, который сформировал полковник Фабрици на пути из Ното в Катанию и из Катании в Барчеллону. Оба эти отряда вместе простирались до 7 или 8 сот человек.

Медичи, назначенный военным комендантом Мессинской провинции, принял управление делами тотчас же, как пришел в нее (12 июля). Он вел колонну и сам ходил рекогносцировать местность, на которой думал расположиться против Мелаццо. Неаполитанцы, узнавшие о его приближении, выслали против него колонну под командою полковника Боско на помощь гарнизону Мелаццо, состоявшему из I-го линейного полка и роты артиллерии. Несмотря на укрепления цитадели и стену, окружающую Мелаццо, неаполитанцы полагали, что гарнизон этот не устоит против Медичи. Колонна Боско, вышедшая из Мессины 14 июля, состояла из четырех стрелковых батальонов, силою каждый более 1 000 человек, эскадрона конных егерей и из батарей полевой артиллерии. Дорога в Мелаццо от самой Мессины поднимается в гору до ла-Скалы, образующей высшую точку ее, а потом спускается вниз к северному побережью. Близ берега она обходит последний горный отрог, кончающийся крутым спуском у города Джессо, который владычествует над дорогою; потому надобно было неаполитанцам занять его на случай неудачи. Они оставили в нем 4-й стрелковый батальон, приказав батальонному командиру с четырьмя ротами держаться в городе, а другие четыре роты расставить по горным тропинкам, которыми сицилийцы могли бы обойти джесскую позицию. Остальная колонна продолжала путь в Мелаццо и пришла туда на другой день, 15 июля.

Медичи еще за несколько дней до выхода этой колонны узнал о намерении неаполитанцев послать подкрепление в Мелаццо. Это знание планов и намерений неприятеля составляет одну из больших выгод национальной армии. Мы почти без всяких стараний знаем все то, что неаполитанцы покупают за деньги, да и то не всегда могут купить. Усердие жителей уведомлять нас о всем происходящем в неприятельском лагере так велико, что затруднение для нас только в одном: разбирать, какие известия важны, какие нет. Никакие наемные лазутчики не могли бы следить за всеми малейшими распоряжениями неаполитанцев так зорко, как стокий Аргус, — народ. В действиях под Мессиною даже телеграф, это могущественное военное пособие, обратился против неаполитанцев. Электрическая проволока вдоль берега была разрушена народом, считающим ее за одно из опаснейших вражеских орудий, и неаполитанцам осталось давать известия лишь посредством воздушного телеграфа, движения которого были нам видны и понятны.

Узнав о приближении колонны Боско, вдвое превосходившей его числом людей, Медичи имел время выбрать позицию. Он стал в Мери, милях в трех перед Барчеллоною, на мессинском шоссе. Горные спуски в этой части Сицилии так круты, а потоки так быстры и полны камней, что перескакивают все пространство между горными отрогами. Речка Санта-Лучия служит самым лучшим представителем характера этих потоков. Она образует долину в 200 или 300 ярдов (80—120 сажень), которая в летнее время служит единственным путем к нескольким горным проходам. В нижней части долины, близ Мери, где холмы понижаются, обе стороны потока охраняются стенами в несколько футов толщины и в 5—6 футов вышины, осталяющими только проход для шоссе, которое идет через Мери. Став тут, вы видите себя как будто среди настоящего форта.

Медичи стал в Мери, устроил в домах, соседних с потоком, амбразуры, а промежутки стены, где идет шоссе, укрепил турами и песочными мешками. Сама стена также была приспособлена к обороне, и таким образом

эта линия сделалась крепкою позициею. Первый отрог горы направо, крутой и густо поросший лесом, был занят батальоном, а далее находились крутые уступы Санта-Лучии, составлявшие оконечность правого фланга. Слева стена, опоясывающая реку, идет на полмили ($\frac{3}{4}$ версты), ограждая роскошные сады, которые тянутся за Мери к морю. С того места, где кончается стена, начинается широкий прибрежный косогор, имеющий несколько сот яров протяжения. Позиция вообще была очень хороша, и единственное неудобство составляла длиннота ее, — она имела в длину едва ли меньше 3 миль (около 5 верст). Этому неудобству нельзя было помочь, потому что, если бы оставить не занятою Санта-Лучию, неприятель мог бы обойти правый фланг. В долине потока с фронта был поставлен батальон, а стена по другую сторону потока укреплена подобно той части, которая идет к Мери. Перешедши поток, дорога тотчас же разделяется на две ветви: левая идет прямо в Мелаццо, а правая, служащая продолжением главного шоссе, через Кориоли в Арки, где пересекается с другою дорогою, идущею из Мелаццо. Обе ветви идут между непрерывными рядами густых оливковых и смоковничных садов и виноградников, которые почти все обнесены стенами. На обеих этих ветвях были поставлены аванпосты; передовые пикеты расположились в расстоянии около мили ($1\frac{2}{3}$ версты) от потока, у Кориоли и Сан-Пьетро.

16-е июля прошло без стычек. Боско отступил к Мелаццо, а Медичи был еще занят своими приготовлениями. Утром 17-го Медичи послал из Кориоли отряд для наблюдения за движениями неприятеля. Этот отряд встретился с двумя ротами неприятельских стрелков, посланными на подкрепление двух других рот, конвоировавших обоз муки, шедший из соседних мельниц. Обменявшись несколькими выстрелами, неприятельские стрелки рассудили отказаться от своего намерения и поспешно отступили к Мелаццо.

В 3 часа дня Медичи получил известие, что идет к Кориоли неприятельская колонна; через несколько времени его авангард в Кориоли действительно был атакован. Неаполитанцы старались овладеть деревнею и успели пробиться до середины ее, но скоро были выбиты оттуда атакою в штыки. После того стычка обратилась в перестрелку отдельных людей; неаполитанцы не возобновляли попытки овладеть деревнею, а наши имели приказание ограничиваться ее обороною. Это приказание было дано потому, что Медичи знал, что нападение на Кориоли — фальшивая атака, а главные силы неприятеля будут направлены на Санта-Лучию, чтобы, овладев ею, обойти нас с правого фланга. Нападение на Санта-Лучию произвели три батальона с полубатареею артиллерии, под командою самого Боско. Колонна эта шла вверх по ручью Сан-Ночито, текущему параллельно с речкою Санта-Лучиею, с другой стороны горного отрога, на котором стоит деревня Санта-Лучия. Неприятель обнаруживал только часть тех сил, которые были у него, как знал Медичи; потому осторожность не позволяла уводить своих сил с одного фланга на подкрепление другого. Таким образом, один батальон, имевший всего 500 человек, должен был выдерживать нападение колонны Боско; он отразил его, не требуя подкреплений. И тут, как в прежних сражениях, победа была решена штыком. Надеясь на свое численное превосходство, неаполитанцы несколько раз пытались взойти на гору и, несмотря на меткий огонь энфильдских штуцеров¹, которыми вооружены батальоны Медичи, шли вперед, пока наши снова бросались на них в штыки, — тогда они опять теряли приобретенные выгоды. Бой длился до самого вечера. Потеря в людях с нашей стороны была ничтожна; вероятно, не многим значительнее была она и со стороны неприятеля. Но если потеря в людях у неаполитанцев была невелика, то много потеряли они своей самоуверенности от этой неудачи. Они вышли с мыслью раздавить колонну Медичи; Боско хвалился, что загонит его волонтеров в море, разрушит Барчеллону, главную квартиру революции в Мессинской области, но не мог оттеснить и одного нашего батальона. Отношения теперь изменились. Бросив

мысль осуществить свою похвальбу, он стал думать уже только о том, чтобы удержаться в своей позиции. Телеграф показал нам это; Медичи на следующий день узнал, что Боско посылал в Мессину просить о поспешной помощи, говоря, что иначе его отступление будет опасно. Генерал Клари, мессинский комендант, отвечал, что не может послать ему помощи, сам находясь в опасности от другой сицилийской колонны, шедшей из Катании, что он может только послать еще один стрелковый батальон в Джессо, а первому батальону приказать идти на подкрепление Боско. Это было исполнено на другой день.

Мы также увеличивали свои силы, не теряя времени. 18 числа прибыл генерал Козену с своим авангардом, состоявшим из батальона ветеранов Верхней Италии. Они поехали на двух небольших пароходах, взятых у неаполитанцев, высадились на берег у Патти, а оттуда шли сухим путем.

Гарибальди, узнав по телеграфу о положении дел, принял одно из тех внушаемых вдохновением внезапных решений, которые лучше всего показывают, что он превосходный полководец. Он увидел, что представляется случай нанести решительный удар, и нескольких часов было ему довольно, чтобы составить, развить и исполнить свои планы. Передав начальнику своего штаба генералу Сиртори², полную власть с титулом продиктатора, он собрал как можно больше войска, посадил их на нанятый им британский пароход «City of Aberdeen», сел на него с своим штабом, и на следующее утро, 19 июля, с подкреплением в 1200 человек был уже в Патти и оттуда шел к Мери.

Благодаря этому своевременному подкреплению, а в особенности личному присутствию Гарибальди, военные действия пошли гораздо быстрее и получали совершенно иной характер. Едва ли бывал когда генерал, столь смелый в инициативе, как Гарибальди; это составляет его главную силу и делает его столь страшным противником. Свои решения он принимает, можно сказать, мгновенно, а раз приняв решение, он сосредоточивает всю свою энергию на его осуществлении. Смотри на него, вы видите, что он весь живет одною идеєю. Теперь особенно казалось, будто он, избавившись от политических деятелей Палермо, с новым блеском обнаружил свой изумительный дар. Ни минуты не было потеряно, когда он распорядился, чтобы приготовить общую атаку на следующий день. Только железный организм Гарибальди мог выдержать деятельность, которая была ему нужна для этого. Он обходится в такие времена почти без сна, почти без пищи и при своей неутомимости успевает видаться со всеми, выслушать каждого, сделать все, сообщить свою деятельность всем окружающим его.

Подъезжая морем к Мелаццо, вы еще вдалеке от берега встречаете одинокую скалу, подобную Гибралтарской. На ней стоит цитадель города Мелаццо, занимающая половину квадратной мили (несколько более квадратной версты); от стен со всех сторон скала спускается крутизнами. У подошвы ее, со стороны противоположной морю, лежит город, занимающий такое же пространство и окруженный толстою стеною. Город и цитадель соединяются с островом Сицилиею узкою косою; с морской стороны цитадели эта низменная коса тянется еще на несколько миль, спускаясь к своему концу, где стоит маяк. Весь этот полуостров, очевидно, образован осадком ила потоков Санта-Лучия и Ночито, впадающих в море, один с одной, другой с другой стороны его. Залив, образуемый полуостровом, составляет одну из лучших естественных гаваней Сицилии. Поэтому и по военным соображениям неаполитанцы сделали Мелаццо как будто центром дорог, ведущих с запада и из глубины острова к Мессине. Одна дорога идет вдоль по берегу налево от Мери; потом идет прямая дорога из Мери в Мелаццо, составляющая с первой угол в 25° и соединяющаяся с нею под самым городом Мелаццо. Далее следует Мессинское шоссе, идущее в Арки параллельно с прибрежною дорогою; наконец, есть еще дорога, ведущая от ворот Мелаццо на это шоссе и выходящая на него. Эти дороги составляют три стороны параллелограмма, а речка Санта-Лучия четвертую сторону его. Прямая дорога из Мери в Мелаццо (идущая с юга на север) пересекает этот параллелограмм, длина которого около 4,

а ширина около 2½ миль (около 7 и 4 вер.). Эти главные дороги связаны между собою несколькими проселочными дорогами, которые все имеют общее направление к Мелаццо.

Эта местность стала театром боя. То, что все дороги сходятся в Мелаццо, давало неаполитанцам преимущество центральной позиции, которым они хорошо воспользовались. Это преимущество очень увеличивалось характером местности: она покрыта роскошной растительностью, составляющей, можно сказать, один ряд садов, засажена оливковыми и другими фруктовыми деревьями, виноградными лозами и в особенности тростником, который служит здесь подпорками для винограда. Сады эти, особенно те, в которых есть тростник, очень густы, так что почти невозможно в них ни производить связанных движений, ни видеть движений неприятеля. Под их густым прикрытием неаполитанцы заняли позицию в расстоянии около мили от города Мелаццо; линия их позиции захватывала все дороги, а сильнее всего занимали они пункты, в которых мерийское шоссе пересекается с мессинским. В этих пунктах они поставили пушки, сделали амбразуры в садовых стенах и расположили своих стрелков в садах, дававших им превосходное прикрытие.

С нашей стороны распоряжения были таковы. На левом фланге по прибрежной дороге должны были идти прямо на город Мелаццо два батальона тосканцев и один батальон палермских рекрут, под командою полковника Маланкини. В центре, на прямой дороге из Мери, направлен был под командою Медичи первый полк его отряда; полк этот, весь состоявший из ветеранов (отчасти ломбардцев), имел четыре батальона; один батальон 2-го полка должен был идти по мессинскому шоссе из Корюлы; на пути к нему должен был присоединиться батальон из Санта-Лучии. Это правое крыло должно было соединиться с центром по боковой дороге, самой ближайшей к Мелаццо, и потом вместе идти на город. Отряд сицилийцев, под командою полковника Фабрици, должен был стать на крайнем правом фланге у Арелеса, чтобы отражать войска, которые могли бы пойти из Джессо на помощь неаполитанцам в Мелаццо. Войска, прибывшие с Гарибальди, и войска, пришедшие с Козенцом, составляли вторую линию и резерв.

Колонны двинулись на рассвете, и в 6 часов утра послышались первые выстрелы на левом фланге. Открытый косогор был самым выгоднейшим местом для действия неаполитанской артиллерии, и пока колонна левого фланга, не имевшая артиллерии, выдерживала эту неравную борьбу, центр также подошел к неприятелю. Бросив узкую дорогу, с обеих сторон опоясанную стенами садов, солдаты перелезли через эти стены, чтобы по садам броситься с обеих сторон на неприятеля, аванпосты которого находились в нескольких отдельных домах близ деревни, где первая боковая дорога выходит на мерийское шоссе. Войска второй экспедиции, желавшие вознаграждать себя за поздний приезд и сравняться с товарищами, победившими при Калата-Фими и взявшими Палермо, скоро прогнали аванпосты из отдельных домов. Но были нужны большие усилия, чтобы прогнать неприятеля из садов, находившихся за этими домами. Невидимый для глаз, он с убийственной меткостью стрелял по нашим наступавшим войскам и наносил им большой урон, сам оставаясь безопасен. Густота садов такова, что во многих местах не был виден даже дым выстрелов; сражаться против неуловимого врага было чрезвычайным подвигом. Невозможны были никакие общие распоряжения и движения, потому что не только одна рота не могла видеть другую, — солдаты одной роты не видели друг друга. Шоссе, которое сначала сочтено было самым трудным путем, оказалось путем более легким, потому что на нем, по крайней мере, было можно видеть неприятеля и его движение. Единственная возможная в такой местности тактика была та, чтобы пробиться вперед по дороге и взять во фланг и в тыл опаснейшие пункты, прикрытые тростником, а с тем вместе смело броситься через эти прикрытые места, несмотря ни на какие потери, чтобы взять в тыл неприятельскую позицию на шоссе. Число резерва было очень уменьшено тяжелыми потерями, неизбежными у наступающего в такой

неравной борьбе, и необходимостью послать отряды для предотвращения фланговых атак, которые легко мог исполнить невидимый неприятель.

Все это движение совершалось под прямою командою Медичи; но Гарибальди, разумеется, был душою сражения, постоянно являясь на опаснейших пунктах и по своему обыкновению не щадя себя. Он находился в центре, медленно подвигавшемся вперед по трудным местам, когда получено было известие, что левое крыло, будучи не в силах держаться против многочисленного неприятеля, отступает, подвергая всю линию опасности быть обойденною с этой стороны. Взяв последний оставшийся резерв, батальон, состоявший из северных итальянцев и палермцев, под командою подполковника Дена (англичанина) и других английских офицеров, он двинулся на левый фланг остановить неаполитанцев. Его присутствие и усилия офицеров придали твердость молодым солдатам, которые отразили атаку и бросились на неприятельские пушки, обстреливавшие дорогу. Отважным порывом они добежали до них. Английский матрос, незадолго перед тем, в Патти, поступивший в волонтеры, первый перепрыгнул стену, за которою стояла одна из пушек, и через несколько секунд орудие было взято. Его повезли с триумфом к нашим рядам. В ту самую минуту, когда оно скрылось за извилиною дороги, раздался крик: «кавалерия! кавалерия!» Войска смутились. Напрасны были усилия Гарибальди и офицеров превозмочь испуг этих молодых солдат: они теснились к стене с одной стороны дороги и прыгали через ров с другой стороны. Таким образом, очистилась дорога несколькими смелым конным егерям, которые с своим ротмистром бросились через этот промежуток на нашу линию, чтобы отнять назад пушку. Гарибальди едва имел время отсторониться, когда всадники пронеслись мимо него, рубя направо и налево. Но история с ними скоро кончилась: оправившись от первого испуга, пехота тотчас же перебила почти всех их. Ротмистр, сержант и один из рядовых пытались и успели бы ускользнуть, если бы не личная храбрость Гарибальди. Он вышел на середину дороги, выхватил саблю (револьверы его остались в седельных карманах, когда он слез с лошади) и остановил ротмистра. Подле него был тогда только один капитан Миссури, также сошедший с лошади, но имевший револьвер. Первым своим выстрелом Миссури ранил лошадь ротмистра, она поднялась на дыбы, Гарибальди схватил ее за повод, чтобы взять в плен ротмистра. Но на требование сдаться ротмистр отвечал ударом сабли по Гарибальди; Гарибальди отпарировал удар, и сам нанес удар, которым разрубил голову ротмистра; неаполитанец упал мертвый к его ногам. Пока Гарибальди выдерживал этот поединок, капитан Миссури застрелил сержанта, спешившего на помощь ротмистру, и схватил рядового, лошадь которого была убита; неаполитанец стал обороняться, и Миссури убил его другим выстрелом из револьвера.

Этот блестящий эпизод сильно содействовал ободрению войск левого фланга, и они скоро поровнялись с линией, по которой двигался центр. Но труднейшая часть боя еще оставалась впереди. Несмотря на зной дня, несмотря на то, что ничего не ели с утра, итальянские волонтеры шли вперед шаг за шагом, тесня неприятеля к перешейку полуострова. Тут на пересечении двух дорог, была настоящая оборонительная позиция неаполитанцев. Они заранее приготовили местность к обороне, выбрали места для пушек, сделали амбразуры в садовых стенах, построили баррикаду для защиты подступа. Этот пункт стал местом упорного рукопашного боя, длившегося несколько часов и стоившего нам многих коабрых товарищей, в числе которых был убит майор Мильявакка. Генерал Козенц был ранен в шею картечною пулею, а под Медичи была убита лошадь.

Чтобы выбить неприятеля из позиции, послали роту генуэзских стрелков обойти его с левого фланга по густым садам. Тростник был так част, что с трудом они могли проходить по нем, человек за человеком, а между тем весь он был наполнен неаполитанскими стрелками. Генуэзцы с бешенством бросались отыскивать невидимого неприятеля, и многие из этой горсти храбрецов падали, не нашедши противника. Поднялся общий крик: «пойдем в

атаку»; капитан старался остановить их, — напрасно. Рота стремительно провалилась через тростник и увидела себя перед стеною с амбразурами, из которых встретил ее залп. Не колеблясь, генуэзцы пошли вдоль стены к пролomu, видневшемуся в некотором расстоянии: тут надеялись они найти, наконец, возможность схватиться с неприятелем. Но неприятель, по обыкновению, не стал ждать штыкового боя, и несколько метких выстрелов вслед ему были для генуэзцев единственным удовлетворением, вместе с тем, что они взяли позицию на перекрестке дорог. Из 85 человек, бывших в роте, осталось 32. Кроме этого движения на левом крыле, победа была решена наступлением правого крыла. Когда неаполитанцев сбили с позиции на перекрестке дорог, подвигаться нашим вперед стало уже гораздо легче, хотя неприятель продолжал сопротивление. За мостом, ведущим на перешеек, есть открытое пространство в несколько сот ярдов, примыкающее правым боком к морю, а левым к садам. За этим пространством находится ряд домов, который тянется до самых ворот города. Тут неаполитанцы сделали последнее усилие остановить наших. Они заняли дома, засели за большими лодками, лежащими на берегу, и при помощи своей полевой артиллерии и пушек цитадели несколько времени задерживали нас. Но скоро решимость была отнята у них наступлением нашей колонны слева через сады и прибытием парового фрегата «Тускоги» (который прежде назывался «Veloce»). Гарибальди, увидев, что приближается «Тускоги», поспешил на берег, сел в лодку и приехал на пароход, где его присутствие одушевило всех. Несколько метких выстрелов с фрегата, первые выстрелы колонны, наступавшей слева, и атака в штыки с фронта, — все это сбilo неаполитанцев с их последней позиции; они искали спасения в цитадели, бросив две пушки; с прежними тремя это составило пять пушек, отбитых нами.

Неаполитанцы поспешно отступили к цитадели, даже не пытаясь защищать город. Напасть на цитадель было трудно. Был уже вечер. Бой длился более 14 часов, среди знойного дня. Город мы нашли почти пустым. Все дома были заперты: жители ушли уже прежде или скрылись вместе с войсками в цитадель. Мелаццо менее всех сицилийских городов имеет национального духа и патриотизма: население в нем жило исключительно на счет гарнизона и чиновников, потому интересы горожан были на стороне неаполитанцев: даже теперь, когда всякая опасность миновала, немногие возвратились. Все лавки еще заперты, и все надобно привозить из Барчеллоны или других соседних мест.

По характеру боя вы можете судить о наших потерях. Все наши силы простирались до 5 000 человек; из них 750 убито или ранено. Потерю неаполитанцев определить невозможно, но едва ли они потеряли больше, чем одну треть того числа, какого лишились мы. Число убитых у нас непропорционально мало сравнительно с числом раненых; это странно, потому [что] калибр неаполитанских ружей очень велик, — самый большой из всех виденных мною. Только те раненые, которых нельзя было перевезти в другие места, положены в госпиталях Мелаццо. Остальные перевезены в Барчеллону и соседние деревни. Все церкви обращены в госпитали; кроме того, взяты под госпитали гостиницы и некоторые частные дома. Здешние медики очень усердно заботятся о раненых; но остальные горожане — душные патриоты. У меня еще живо в памяти усердие, оказанное жителями Брешии в прошлом году, когда они после сольферинской битвы наперерыв друг перед другом брали по своим домам 18 000 раненых, из которых только для 6 000 нашлись кровати при армии: не было дома, в котором не лежали бы раненые; жители спали на голой земле, отдав свои кровати и постели пострадавшим за них. Здесь ничего не делали жители по собственному побуждению. Никто не предлагал своего дома, и раненые лежат на соломе, почти не имея прикрытия.

В тот же день были сделаны все нужные распоряжения, чтобы ускорить движение колонн к Мессине. Сицилийские волонтеры из Мессины, Катании и Ното, под командою полковников Фабрици и Индерукко, получили прика-

зание итти на Джессо, по горной дороге, а 1-я и 2-я бригады 15 дивизии — спешить к Мессине по катанийской дороге. Авангард 2-й бригады уже занимал Таормину, считаемую Термопилами Сицилии, на восточном берегу. 1-я бригада была на дороге из Ното в Катанию.

Гарнизону, запертому в цитадели Мелаццо, предложено было уйти, оставив победителям пушки, лошадей и все военные припасы. Он не согласился, и потому надобно было подумать о средствах покорить цитадель. Приказано было снимать пушки с «Tuscorigi», и отправлено в Палермо по телеграфу приказание прислать свежие подкрепления и несколько тяжелых орудий из находящихся там.

22-го смело вошел в гавань «Архимед», под градом дурно направленных против него выстрелов, из которых ни один не попал в него. Этот пароход привез несколько сицилийских батальонов и несколько пушек, выгрузился и на другой день опять ушел.

Между тем как мы готовили все нужное для нападения на цитадель, если она не покорится, по телеграфическим сигналам, которыми она обменивалась с Мессиною, было видно, что гарнизон цитадели находил с каждого минуты менее возможности сопротивляться. Из Мессины отвечали ему, что комендант послал в Неаполь просить разрешения сдать цитадель.

Ныне утром показались четыре неаполитанские фрегата, и полковник генерального штаба Анцано приехал с полномочием заключить капитуляцию. Надеясь на присутствие фрегатов, он сначала заговорил высоким тоном, думая, что ему удастся получить для гарнизона цитадели такие же выгодные условия, какие даны были неаполитанцам в Палермо; но скоро он увидел, с кем имеет дело. Гарибальди объяснил свои условия и сказал, что весь неаполитанский флот не заставит его изменить их. Он предлагал гарнизону то же самое, что предлагал до появления фрегатов, — ни больше, ни меньше. Полковник Анцано, видя его непоколебимость, согласился на его условия».

«26 июля.

Вчера началось и к вечеру было кончено очищение цитадели Мелаццо. Одним из первых уехал полковник Боско, которого проводили свистом, — единственного наградоу за все его труды. Он хвалился, что взял лошадь Медичи; за то теперь был принужден оставить нам свою лошадь, которая гораздо лучше довольно плохой лошади Медичи. Раненные были перенесены через город на берег и положены на корабли. Эта переноска дала случай дезертировать всем, кто хотел. Особенно многие воспользовались этим удобством из числа артиллеристов. Между прочим, перешел к нам целый взвод с оружием и всеми походными принадлежностями.

Неаполитанцы, удаляясь, поступили по своему обыкновению. Они заклепали 18 пушек из числа оставляемых в цитадели и подложили электрическую проволоку, чтобы взорвать пороховой магазин, очень ловко прикрыв ее сеном и соломою, под которою были бомбовые трубки. Кругом они насыпали пороху, для облегчения взрыва. Но этот порох был случайно замечен одним из солдат, и дело раскрылось. Неаполитанцы стали извиняться, сваливать вину на случай и на небрежность своих солдат. О заклепанных пушках они объясняли, что заклепали только те, которые могли бы стрелять по их кораблям и тревожить их отход. Это извинение было точно так же лживо: восемь из заклепанных пушек были обращены не к морю, а в противоположную сторону.

Материальными трофеями победы при Мелаццо были 50 пушек, 139 лошадей и 100 000 патронов. Но это лишь незначительная часть результатов, ею доставленных: она, вероятно, отопрет нам ворота Мессины. Она для Мессины то же, что была победа при Калата-Фими для Палермо. Она снова доказала превосходство итальянских волонтеров над неаполитанцами, какой бы перевес ни давала неприятелю местность и артиллерия. Числительная непропорциональность была не так велика, как при Калата-Фими, но выгодность

позиции и преимущество, даваемое артиллериею, были при Меладцо у неаполитанцев еще значительнее, чем при Калата-Фими. Они послали в Сицилию цвет своей армии, и при Меладцо были у них все волонтеры, вызвавшиеся ехать в Сицилию. Командовал ими человек, который, не знаю — заслуженно или незаслуженно, пользуется самой высокой репутацией из всех их начальников. Все эти преимущества были уничтожены одним днем. Могут ли они после этого держаться?

В самом деле, еще вчера телеграф, идущий по мессинскому берегу, сообщал о сильном движении пароходов между Мессиною и Реджою и о том, что неаполитанцы отвозят на них из Сицилии всю свою кавалерию и часть артиллерии. Они должны спешить, потому что Гарибальди не станет терять времени. Мессинские форты не могут помещать более пяти или шести тысяч человек, а неаполитанцев в Мессине тысяч пятнадцать или больше, не считая тех, которые выходят из Меладцо.

Вчера авангард Медичи дошел уже до Спадафоры; ныне утром он занял Джессо, а сам Медичи стал в Спадафоре. Завтра наши войска пойдут брать высоты, окружающие Мессину. Если неаполитанцы отступят и очистят город, мы займем его; а если они не отступят добровольно, они будут атакованы и прогнаны соединенными усилиями колонн, идущих с запада и приближающихся по восточному берегу. Но в новой битве едва ли будет надобность».

«Мессина, 29 июля.

Вот я возвратился в город, из которого выехал ровно два месяца тому назад. Какими важными не для одной Сицилии, но и для всей Италии событиями были наполнены эти месяцы! Когда я выезжал из Мессины, вся Европа нетерпеливо следила за первыми шагами малочисленных смельчаков, приехавших освободить Сицилию от Неаполя и от внутреннего расстройств, а теперь это дело почти уже кончено.

Битва при Меладцо отперла нам ворота Мессины, как и можно было предвидеть. В последнем письме я говорил вам, что утром 27 числа Медичи должен был занять высоты, окружающие Мессину. За два дня перед тем неаполитанцы вышли из Джессо, но еще сутки держались на пункте, где дорога переходит через самую вершину горы: потому и нельзя было знать, очистят ли они город, или станут защищать господствующие над ним горы.

Это было решено следующим днем, или, лучше сказать, следующей ночью: поутру авангард Медичи, взошедши на вершины, увидел, что не только они, но и самый город оставлены неаполитанцами, отступившими в порты.

Отступление неаполитанцев и вступление победителей произвели в Мессине важную перемену. Чувства, подавлявшиеся в течение последних четырех месяцев, обнаружилась теперь с энергиею, к какой способны только жители юга. В самом деле, когда вся Сицилия уже свободно дышала, говорила, радовалась, этот бедный город все еще оставался под властью сильного гарнизона и под жерлами сотен пушек, покинутый большею частью своих жителей; торговая и общественная жизнь замерла в нем, и он трепетал за свое существование.

В половине третьего Гарибальди, узнав о вступлении Медичи, приехал в Мессину. Я не нахожу слов для описания торжества, с каким он был встречен.

В тот же самый день начались переговоры об очищении всех пунктов, за исключением фортов, стоящих в гавани; вчера эти переговоры кончились. Неаполитанцы должны очистить два форта, стоящие на высотах над городом, и оставить победителям все военные принадлежности и запасы. Неаполитанские офицеры и солдаты должны иметь свободный вход в город и могут покупать в нем провизию. Цитадель не должна стрелять, пока не будет нападения на нее.

Когда эта конвенция была подписана Медичи и генералом Клари, французские, английские и сардинские корабли возвратились в гавань, которая была очищена от них на случай бомбардирования. Жители, успокоившись за будущее, возвращаются, и улицы, которые два месяца тому назад оставил я мертвыми, наполняются шумными толпами.

«Мессина, 30 июля.

Совершился второй фазис быстро идущей войны за итальянское единство и независимость. Даже мне, бывшему на месте и разделявшему все надежды на успех национального дела и на способности Гарибальди, кажется иногда, что я вижу все это во сне, — так удивителен ход этого народного возрождения. Его можно сравнить только с ростом алоэ, которое долгие годы прозябает, не возвышаясь над землею, и вдруг из его расстилающихся по земле листьев поднимается высокое мощное дерево, в одну ночь расцветающее и далеко кругом наполняющее воздух своим благоуханием.

Когда корабль за кораблем скрывались за Цаффаранским мысом, увозя из Палермо неаполитанских солдат и военные припасы, люди, самые полные веры, думали с боязнью о новой борьбе, которая ждет их под Мессиною. Неприятель встретит нас не на крутых, но открытых вершинах Калата-Фими, не в узких улицах Палермо, а под сотнею пушек крепости, снабженной сильным гарнизоном и обильными запасами. Единственный человек, улыбающийся над нашими опасениями, был Гарибальди. «Пусть они идут куда хотят. Если мы снова встретим их в Сицилии, тем лучше: нам будет ближе управиться с ними». Этими словами он отвечал на весь наш ропот против его великодушия и сопровождал их своею улыбкою, которая увлекает даже его неприятелей. Не прошло с той поры двух месяцев, и страшная Мессинская крепость смотрит на наши легионы в мрачном отчаянии, немая и мертвая; ее амбразуры опустели и не внушают страха даже самым робким из жителей, постепенно возвращающихся в город. Цитадель эта кажется совершенно пустою, и можно было бы подумать, что ни одного неаполитанца не осталось в ней, если б не теснились обозы с приморской стороны ее, если бы не шла в гавани торопливая нагрузка неаполитанских пароходов вещами и войсками. Иллюзия усиливается тем, что неаполитанцы приняли трехцветный флаг. Вы видите их пароходы, знакомые вам по бомбардированию Палермо, но не видите в них белого бурбонского флага. Они дружелюбно стоят подле «Сциллы», «Декарта» и «Виктора-Эммануэля», под одинаковым с ним флагом, как будто уже осуществилось пылкое, нетерпеливое желание, как будто южная Италия уже соединилась с северной.

А за неделю или даже меньше, положение вещей было совершенно иное и казалось близка не такая развязка. Не дальше как 23 июля мессинский комендант, генерал Клари, послал по всем консулам требование, чтобы иностранные военные и купеческие корабли ушли из гавани, взяв своих соотечественников, потому что может встретиться необходимость употребить крайние меры против города, в случае восстания или приближения Гарибальди. Это было в понедельник; консулы сообщили об этом приказании в Неаполь представителям своих держав. На другой день из Неаполя пришло формальное приказание отказаться от мысли о бомбардировке, очистить город и, если понадобится, очистить все форты. Вместе с приказанием пришел строгий выговор генералу Клари за то, что он ввел в неприятность неаполитанское правительство: британский министр в Неаполе, мистер Эллиот, сделал энергические представления, тяжелые для неаполитанского правительства. Сам генерал Клари разгласил об этом, жалуясь на людей, которым приписывал полученный им выговор. Действительно, неаполитанские командиры находятся в положении очень незавидном. От них требуют, чтобы они противились движению, а между тем запрещают им употреблять средства, которые они привыкли считать единственными пригодными для этого дела. Они приучены считать бомбардирование един-

ственным средством против революции, а теперь им говорят, что неаполитанское конституционное правительство ужасается таких средств. Чтобы одушевлять своих солдат желанием сражаться, они возбуждали в них страсть к грабежу, а теперь им говорят, что конституционные солдаты должны охранять, а не грабить собственность. Их приучили с ужасом смотреть на трехцветное знамя, а итальянских патриотов считать величайшими злодеями; теперь они должны сражаться под этим знаменем и видят, что их правительство ищет дружбы и покровительства у Виктора-Эммануэля.

Всего этого было бы достаточно, чтобы они потеряли голову. Обстоятельство, случившееся в ночь после битвы при Меладцо, показывает, что они действительно хотели «исполнять свою обязанность». С цитадели заметили два корабля, приближавшиеся к мысу. Командир и гарнизон, полагая, что они принадлежат Гарибальди, открыли по ним огонь; к счастью, он был плохо направлен, иначе они, думая действовать против «флибустьеров», взорвали бы на воздух неаполитанскую фелуку, нагруженную порохом, и потопили бы неаполитанскую бригадину, наполненную военными припасами.

Когда распространилось по городу известие, что иностранные корабли выслаются из гавани, а иностранным подданным велено переезжать на них, ужас овладел всеми еще оставшимися в городе жителями, и каждый спешил уйти на корабль или в окрестные села. Солдаты, видя этот испуг, забавлялись, стреляя из ружей, от чего еще увеличивалось смятение. Австрийский консул, удалявшийся вместе с другими, был остановлен и арестован солдатами, несмотря на все свои протесты и уверения, что он австрийский консул. Вырвавшись, он побегал: вдогонку ему послали пулю, пробившую на нем шляпу. На его жалобы отвечали, что солдат нельзя было удержать в порядке.

Колонна, шедшая по Катанийской дороге, вступила вчера в город. (Тут корреспондент описывает, с каким торжеством встретили ее в Мессине и встречали по всей дороге. — В письме от 31 июля он рассказывает, что Гарибальди начал укреплять крайний пункт северо-восточной оконечности Сицилии, мыс Фаро, где находится самое узкое место пролива между Сицилией и Италией; батарея, построенная Гарибальди на сицилийском берегу, обстреливает всю ширину пролива. Корреспондент «Times'a» объясняет выгоды, доставляемые ею Гарибальди.)

Эта батарея прерывает все сообщения между Неаполем и мессинской цитаделью. Чтобы оценить всю важность приобретенного нами господства над проливом, надобно вспомнить, что Неаполь и Гаэта служат единственными операционными базами для неаполитанцев, что на южном и восточном берегу итальянского материка нет ни одной порядочной гавани, что дороги в Калабрии и Аппенинских горах еще хуже, чем в Сицилии. Все сношения между Неаполем и восточными провинциями ведутся морем через пролив. Утвердившись на мысе Фаро, мы прокладываем себе мост через пролив на континент и приобретаем операционный базис, из которого можем направляться куда нам угодно на южный и восточный берег. Занявшись укреплением этой позиции, вместо того чтобы начинать осаду мессинской цитадели, Гарибальди снова показал талант, чертами которого так богат его сицилийский поход. Когда мы овладеем проливом, неаполитанцы сами принуждены будут бросить мессинские форты.

Прибытие национальной армии к проливу распространило национальное движение и на Калабрию. Пока неаполитанцы владеличествовали в Мессинской провинции, а мы были далеко, было много слухов о движениях в Калабрии, но они оставались только слухами. Тайные комитеты, несколько времени тому назад составившиеся в Калабрии, как и повсюду в Неаполитанском королевстве, теперь начали выказывать большую деятельность. До высадки и до блестящих успехов Гарибальди в Сицилии калабрийцы ждали освобождения из Неаполя. У них был план произвести переворот,

но они сами не знали, что им делать. И в Калабрии, как в Сицилии, подвиги Гарибальди и провозглашаемая им идея в первый раз представили жителям положительное решение. Есть уже одиннадцать миллионов итальянцев, имеющих правительство, какого хотят остальные. Соединиться с ними — скоро было принято всеми. Услышав о прибытии Гарибальди, все комитеты калабрийских городов послали в Аспромонте (близ Реджо) своих уполномоченных, чтобы они условились об общем плане действий. Уполномоченные отправили к Гарибальди депутацию пригласить его сделать для остальных неаполитанских земель то же, что сделал он для Сицилии.

Депутация прибыла вчера; ныне поутру, когда Гарибальди воротился в Мессину из своей поездки в Фаро, к нему явились сорок человек представителей от всех калабрийских городов. Как ни рад он был видеть их, но он просил их обождать, потому что в эту минуту была у него другая радостная обязанность: он должен был повидаться с своими старыми товарищами по первой марсальской экспедиции, пришедшими вчера с колонною из Катании.

Тут я во второй раз видел Гарибальди глубоко тронутым. В первый раз он был тронут, когда люди, освобожденные из неаполитанских тюрем в Палермо, пришли вместе с своими семействами благодарить его за избавление. Он потерял тогда свое врожденное красноречие и не мог произнести ни слова, как и вчера. Но тогда он старался скрыть свое волнение, как слабость, а теперь и не стыдился его. Долго он стоял, то поднимая глаза на хорошо знакомые ему лица, то опуская их при воспоминании о товарищах, которых не доставало тут, которые легли на высотах Калата-Фими или под развалинами Палермо. Наконец он мог произнести: «Верные мои старые товарищи, взгляд на вас так трогает меня, что лишает силы выразить радость, которую я чувствую». Он замолчал, потом повторил эти слова и сказал еще: «вас было мало, и вы сделали много; а теперь нас будет много, чтоб закончить немного, еще не сделанное».

Когда он возвратился принять калабрийскую депутацию, она формально пригласила его перейти на материк. Он обещал переправиться и раньше того прислать оружие. Депутаты единодушно спрашивали, когда же он переедет. Он улыбнулся и сказал: «скоро». Депутаты отвечали единодушным криком восторга.

Вечером я ходил на наши аванпосты перед цитаделью. Не больше как в ста ярдах (40 сажнях) от них стоят неаполитанские пикеты. По виду вы никак не подумаете, что это неприятели, — так дружески разговаривают они и смеются».

«4 августа.

Ныне исходил срок перемирию и генерал Клари виделся с Гарибальди, чтобы продолжить его. Разговор их хранится в глубочайшей тайне; объявлено было только то, что неаполитанцы очищают Сиракузы и Агосту. Но это самое маловажное из условий: знаете, что мы теперь не слишком дорожим двумя укрепленными городами с какими-нибудь двумястами орудий, не интересуемся и совершенным очищением Сицилии. Наши мысли идут гораздо дальше. Но все неслыханные успехи не ослепляют Гарибальди, который даже и теперь готов согласиться на всякий мир, лишь бы только достигалась им его цель. В нынешнем свидании Гарибальди в первый раз изложил условия, под которыми согласен остановиться на пути своих побед. Перемирие продолжено на пять дней, и генерал Клари ныне вечером едет в Неаполь, чтобы сообщить условия, предложенные Гарибальди. Он должен возвратиться вечером 5 числа.

Сущность условий Гарибальди состоит в том, чтобы север и юг Италии могли стать в действительности одним целым. Это одна из восторженных идей, к которым способен только Гарибальди и которые, как мне кажется,

неуспеваемости. Он хочет ни меньше, ни больше, как братства между королями, уподобления обоих королевств, того, чтобы они имели одну политику и одну армию. При таком соединении, Виктор-Эммануэль, ранее вступивший на путь итальянской независимости, конечно, должен командовать всею армиею и управлять всею итальянскою политикою; Неаполь будет совершенно уподоблен северному королевству и только сохранит нынешнюю свою династию. Первым шагом к уподоблению должен быть обмен войск: северные войска должны быть переведены в Неаполь, неаполитанские на север. Флоты должны сделать то же. Нынешняя северо-итальянская конституция должна быть принята в Неаполе, а таможи между королевствами уничтожены.

Вот главнейшие из условий, которые предлагает Гарибальди. Между тем приготовления продолжают, как будто от переговоров не ждут никакого результата. Действительно, условия так тяжелы, что мы должны быть готовы к отказу».

«Вечер.

Генерал Кларе уехал в Неаполь. Он повез условия мира, и, кроме того, правительство вызывает его, чтобы он оправдался в обвинениях, предъявленных против него полковником Боско, который называет его причиною своего поражения при Меладцо, за то, что Кларе не прислал ему требуемых подкреплений. Но по сигналам телеграфа мы видели, что сам Кларе боялся нашей колонны, приближавшейся из Катании».

В прошлом месяце мы говорили, что дальнейший ход дела в южной Италии зависит главным образом от двух обстоятельств: во-первых, от того, успеет или не успеет неаполитанский двор убедить население королевства в искренности и прочности сделанных уступок; во-вторых, от того, будут ли успехи Гарибальди остановлены иностранным вооруженным вмешательством. Усилия конституционного неаполитанского правительства приобрести доверие нации оказались напрасны; точно так же не успело до сих пор осуществиться желание Франции и Австрии поддержать Неаполь.

Прежняя система была привычна неаполитанскому правительству и соответствовала искренним убеждениям всех лиц, составлявших его; потому, разумеется, не могли они подчиниться условиям новой системы, даже не могли отчетливо представить себе новых условий, подчинение которым требовалось от них; да и вообще новые требования были совершенно неудобоисполнимы. Может ли человек отказаться от всех прежних связей, знакомств и сношений, отстраниться от всех своих друзей и безусловно верить советам людей ему чуждых? Натурально было, что существенное влияние дела оставалось в Неаполе у прежних испытанных, верных советников, а новые министры пользовались только тенью власти. Решительно ничего важного не в силах был сделать новый кабинет. Например, столица желала, чтобы удалены были иностранные наемные войска. Войска эти оставались попрежнему в соседстве столицы. Некоторые полки неаполитанской гвардии два или три раза делали попытки низвергнуть новые учреждения. Противники ее требовали, чтобы эти

полки были распущены и главные виновники беспорядков преданы суду. Новые министры не могли удовлетворить и этому требованию: полки, восставшие против новых учреждений, были, напротив, ободрены знаками особенного расположения. Было также требование, чтобы цитадель Сант-Эльмо передали национальной гвардии; но крепость эта, господствующая над городом, оставалась вверена гарнизону и командирам, преданность которых не поколебалась провозглашением реформы. Командирами войск вообще оставались люди испытанной надежности. Из всего этого видно было, что новое министерство не пользуется не только прочною, но и никакою властью. Оно успевало иногда получать согласие лишь на такие меры, которые не вредили основаниям обычного порядка; могло издавать лишь такие законы, отменение которых не представило бы затруднений при первом обороте обстоятельств, благоприятном восстановлению прежних учреждений. Месяца полтора длилось это шаткое положение нового кабинета. События между тем шли вперед, и опытные доверенные советники увидели, что нельзя более медлить принятием решительных мер для своей защиты от распространившегося стремления передать Неаполь под власть Виктора-Эммануэля. Приближалось время выборов в неаполитанский парламент; избирательные комитеты защитников неаполитанской отдельности видели, что ни один из их кандидатов не будет избран, что депутатами явятся исключительно люди, открыто объявляющие себя на стороне Гарибальди. Они уже не скрывали и плана своих действий. Было положено, что палата депутатов, как только соберется, провозгласит замещение бурбонской династии сардинскою династиею и пригласит Гарибальди принять начальство над неаполитанскою армиею. А Гарибальди между тем уже посылал передовые отряды в Калабрию, и конституционное министерство, не имевшее ни в чем и ни в ком опоры, не могло вести войны против него, сообразно потребностям людей, доказавших свою верность продолжительным опытом. Потому они увидели надобность снова выступить вперед и формально взять назад власть из слабых рук нового кабинета. 14 (2) августа, когда в Калабрии уже явились отряды Гарибальди, Неаполь был объявлен находящимся в осадном положении, а выборы депутатов отсрочены. В ту минуту, когда мы пишем это, у нас нет еще известий о том, в каком отношении держат себя новые министры к доверенным советникам, принявшим столь решительные меры: увидел ли конституционный кабинет необходимость молча покориться открытому влиянию прежних людей, или, быть может, сам искренно согласился в надобности прибегнуть к таким средствам, или он лишится и номинальной власти, — этого мы еще не знаем. План приверженцев единства действовать парламентским путем теперь разрушен; дело будет и по форме решено оружием, от которого всегда зависело по своей сущности.

В действиях против Гарибальди видно было бессилие нового кабинета. Как только принял он номинальное управление делами, он послал главнокомандующему королевскими войсками в Сицилии, мессинскому коменданту Клари, приказание прекратить военные действия. Но люди более основательные находили, что борьба под Мессиною представляет большую вероятность успеха. Читатель видел из приведенных нами писем, как сильны были позиции, занимаемые неаполитанскими войсками. В Мессине и в ее окрестностях находилась армия, превосходившая числом все силы, которыми располагал Гарибальди. Опираясь на Мессину, Меладцо и другие крепости северо-восточного угла Сицилии, неаполитанские генералы надеялись отбить нападение инсургентов и справедливо рассчитывали, что удача в одном сражении возвратит им власть над всем островом и снова упрочит власть Бурбонов; потому объявление кабинета о прекращении военных действий было оставлено без внимания. Неаполитанские войска пошли навстречу инсургентам. К несчастью, успех не соответствовал надеждам, казавшимся очень основательными. Мы не будем собирать здесь всех отрывочных подробностей о действиях Гарибальди по занятии Мессины: они противоречат одни другим и большая часть из них носят на себе явные признаки неверности. Мы лучше подождем до следующего месяца, когда будем иметь более связные и более достоверные рассказы, а теперь упомянем только главные факты. Очевидно, что мнение, господствующее в неаполитанском населении, сильно распространилось и между военными силами. Все газеты говорят о многочисленности дезертиров, переходящих из неаполитанских войск в лагерь Гарибальди. Так, например, рассказывают, что в самой столице королевства надобно было арестовать вдруг 300 человек офицеров и унтер-офицеров, собиравшихся к Гарибальди. Рассказывают, что целые полки уже объявляли решимость не сражаться против инсургентов. Очень вероятно, что рассказы эти преувеличены, но все-таки положительным фактом надобно считать, что надежность армии значительно ослаблена теперь присутствием в ее рядах многочисленных партизанов Гарибальди. Известно также, что неаполитанские военные корабли не оказывали той деятельности, какая требовалась от них. Говорят, что флотские офицеры все объявили решимость не сражаться против сицилийцев. Вероятно, это слух так же преувеличен, но все-таки видно, что флот очень ненадежен. Иначе нельзя объяснить безопасности, с какою разъезжали между Генуею и сицилийскими берегами купеческие пароходы, перевозившие волонтеров в Палермо, в Патти и наконец в Мессину. Точно так же, только ненадежностью неаполитанского флота объясняется успех переправы всех отрядов Гарибальди в Калабрию. По известиям, какие получены теперь (около 12 августа), в разных пунктах калабрийского берега высадилось уже несколько тысяч

человек из армии Гарибальди; многочисленные отряды инсургентов присоединяются к ним; восстание распространяется и по другим провинциям: все уверены, что через несколько недель, может быть через немного дней, Гарибальди вступит в столицу королевства. Правда, что почти все шансы успеха на его стороне; но сам Гарибальди очень хорошо понимает, что дело еще представляет очень много опасностей. Он не может перевезти на итальянский континент более 15 000 человек войска, едва ли может в первое время похода перевезти и это число, а неаполитанская армия еще имеет после всех потерь до 80 000 солдат. Неравенство сил остается огромно. Правда, в неаполитанских рядах очень много людей, которые были бы рады сражаться подле него, а не против него. Но до сих пор они однакоже сражались против него и будут сражаться до тех пор, пока отважатся открыто перейти под его знамена. А масса войска у Гарибальди состоит из новобранцев, еще не привыкших соблюдать хладнокровие при неожиданностях военного дела. Мы и прежде видели примеры, и в приведенном нами рассказе о битве при Мелацио видим еще новый пример того, как легко переходит большинство его солдат от мужества к испугу, как оно смешивается при нечаянных опасностях. До сих пор судьба сражений решалась небольшим числом ветеранов, составлявших знаменитый отряд альпийских стрелков в прошлом году. Эти две или три тысячи человек — храбрый корпус из войск Западной Европы; ни во французской, ни в английской армиях не найдется корпуса, который мог бы сражаться с ними; но за то как мало их число! А вся остальная армия Гарибальди держится, можно сказать, только ими. Без них, при всем своем энтузиазме, она едва ли устояла бы против непредвиденных атак, против внезапного огня скрытых батарей. Этим объясняется готовность Гарибальди заключить мир, кажущаяся столь странною. Мы вовсе не хотим сказать, что ошибочно общее ожидание такого исхода войны, который соответствует ее началу. Напротив, вероятнее всего, что Гарибальди скоро вступит в Неаполь; но правдоподобность успеха не скрывает от него самого возможности несчастий.

Главным ручательством за успех попрежнему остается чрезвычайное сочувствие всего неаполитанского населения, смущающее противников Гарибальди, парализующее их мысли и силы. Читатель знает, что уже давно носятся слухи о приготовлениях неаполитанского двора к выходу из столицы. В последние дни стали носиться слухи, что иноземная помощь скоро будет подана ему; это ожидание, вероятно, следует назвать преждевременным, но действительно, есть уже признаки, показывающие, что Гарибальди через несколько времени будет иметь противников более сильных, чем те, которых видит он в Неаполе.

Мы постоянно говорили, что французская политика не желает допускать в Италии перемен, которыми уничтожалась бы нынешняя необходимость сардинского правительства спрашивать советов в Париже; в прошлом месяце мы упоминали о полуофициальном объявлении, говорившем, что Франция остается верна системе, продиктовавшей Виллафранкский мир. После того было еще несколько объявлений в том же смысле. Они были так сильны, что туринский кабинет был принужден принять меры против Гарибальди. Сардинский министр внутренних дел Фарини должен был отправиться в Геную, чтобы предотвратить снаряжение новой экспедиции, хотевшей идти на Неаполь через папские владения. Бертани, остававшийся уполномоченным Гарибальди в Генуе и заведывавший снаряжением экспедиции, принужден был удалиться из Генуи. Прежде того Виктор-Эммануэль был принужден послать к Гарибальди письмо, требовавшее прекращения военных действий и обещания не переезжать из Сицилии на материк. Когда Гарибальди отвечал, что при всей преданности своей королю не в силах остановить начатого дела, Австрия деятельнее прежнего начала готовиться к войне. Читатель знает, что газеты утверждают, будто бы она уже объявила, что на-днях пошлет войска в помощь неаполитанскому королю. Не знаем, действительно ли было формальное сообщение об этом, или намерение, о котором говорят газеты, еще не выражено официальным образом на бумаге; но достоверно то, что между Австриею и Франциею ведутся объяснения по этому предмету. Для успокоения Франции дается обещание не отнимать у Сардинии ломбардских провинций, переданных Виктору-Эммануэлю волею Наполеона III. Но Франция не давала своей гарантии соединению Тосканы, Модены и Романьи с Сардиниею; напротив, этот факт был порицаем ею, совершился в противность ее советам. Потому отделение этих областей от Пьемонта и восстановление в них прежнего порядка не будет противно уважению к Франции. В этом и должна состоять цель войны, к которой готовится Австрия. Посмотрим, что выйдет из этих переговоров и распоряжений. Очень может быть, что все ограничится, по крайней мере в нынешнем году, одними словами и сборами, и очень может быть, что итальянцы между тем успеют устроиться; но большинство людей, следящих за событиями, думают, что война между Австриею и итальянцами уже близка. Газеты наполнены соображениями о том, в какое отношение станет к воюющим сторонам Франция, какой образ действий будет вынужден у других европейских держав ее вмешательством, и т. д. Можно полагать, что некоторые из этих соображений основаны не на одних догадках публицистов, а имеют происхождение более официальное; но все-таки эти слухи показывают только, как думали бы действовать государственные люди той или другой державы, а как будут они действовать в самом деле, если осуществятся

предполагаемые столкновения, это не зависит от их воли, а будет решено ходом событий, — а какой оборот примут события, этого не знает еще никто. Ведь были же все уверены при начале прошлой войны, что театр действий перенесется из Италии на Рейн, что Англия явится союзницею Германии, которая будет защищать Австрию; ведь готовились же к этому немецкие правительства, думали об этом английские министры, опасался этого император французов, — а дело кончилось совершенно иначе. Ведь была же в конце прошлого года почти совершенная несомненность, что будут исполнены условия Виллафранкского мира, — а между тем мы были свидетелями, что события пошли совершенно не тем путем.